

**Её доброта и
безрассудство**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вит Кранц

Её доброта и безрассудство

<https://litres.ru/74028831>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасая полуживого дроу с ножевым ранением, Мая не думала, что у этого будут последствия, не думала, что влюбится, и никак не была готова к тому, что, оказавшись в другом мире, её любимый дроу её не узнает и будет обращаться с ней как с игрушкой

Содержание

Глава 1. О спасении бедового дреу.	4
Глава 2. Гордость, неправильные слова и её работа.	15
Глава 3. Коротко о другом мире.	27
Глава 4. Имя и его горячие руки на её теле.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вит Кранц

Её доброта и безрассудство

Глава 1. О спасении бедового дреу.

Вечер был тёплым — из тех пятничных вечеров, когда лето уже почти взяло своё, но ветер всё ещё огрызался, напоминая, что сдаваться не собирается. Я накинула рубашку поверх спортивного топа, вышла под козырёк подъезда и щёлкнула зажигалкой. Сигарета привычно ударила в нос; дым завился и поплыл в сторону — туда, куда тянул ветер. Настроение было хорошим. Лёгким таким, без причины, просто потому что пятница и вечер тёплый и жизнь в целом могла бы быть хуже.

Выпить хотелось, но компании не нашлось. Я только что просидела пару часов у своего друга, Лёши — хорошо поболтали, но стоило мне заикнуться про пиво, как он включил своё любимое: «Майя, ты же спортсмен». Я давно перестала огрызаться на это. Первые полгода огрызалась — потом поняла, что бесполезно, и просто смирилась. Накачанное тело не делало меня трезвенницей и не отбивало тягу к сигаретам. Красивый рельеф был моей собственной прихотью, и всё тут.

Я затянулась последний раз, затушила бычок о край мусорки и выдохнула дым в ветер. Ветер тут же подхватил мои косы — розовые, объёмные, до пояса — и принялся их трепать. Свежее окрашивание блестело даже в тусклом свете подъездного фонаря. Я поправила косу и пошла.

До дома — десять минут пешком. Москва в пятницу вечером выглядела предсказуемо: пьяные компании на лавочках, смех из открытых окон кафе, парочки и одиночки, бредущие куда-то по своим делам. Каменные джунгли в режиме пятничного расслабления. Завтра утром тот же маршрут будет пахнуть перегаром — это я тоже знала по опыту.

Уже почти дойдя до дома, я свернула в переулок — срезать путь, пара лишних минут не стоила крюка. И сразу же остановилась.

Он сидел прямо на асфальте, привалившись спиной к кирпичной стене. Рубашки не было. Длинные волосы спутались и прилипли к лицу и плечам. Освещение было паршивым — один фонарь в конце переуллка, и тот мигал, — но даже в этом свете было видно главное: он прижимал руку к животу, и между пальцами что-то темнело.

Кровь.

Я присела над ним на корточки — кончик одной косы качнулся и задел его висок. Я наклонила голову набок и несколько секунд просто смотрела. Где-то внутри что-то привычно заскрежетало — папин голос, который я слышала столько раз, что он давно стал частью меня самой.

«Люди не скажут тебе спасибо, Майя. Даже за спасение. Но повод ли это стать чёрствой и проходить мимо? Хочешь помочь — помогай. Тебе сделают больно, и не раз — но оно того стоит. Ты всегда будешь человеком, а не тем, кто отводит глаза».

— Тебе помочь? — спросила я. Он приподнял голову. В тусклом свете фонаря его глаза показались мне фиолетовыми — что, очевидно, было игрой освещения, потому что фиолетовых глаз не бывает.

— Помочь? — Голос у него был хриплым, в нём плескалась лёгкая насмешка, странно не вязавшаяся с тем, что он сидел в луже собственной крови. — Ха. Эльфийка с душой матери Терезы посреди помойки из бездушных камней — Он попытался приподняться на локте, проигнорировал вспышку боли — её выдали только сжатые губы и что-то мелькнувшее в глазах. — Только если не боишься крови. Меня зовут Талис. А ты маяк в этой темноте?

— Эльфийка? — Я моргнула. — Парень, ты бредишь? Людей за эльфов принимаешь. — Псих? Душевнобольной? В таком состоянии он точно меня не убьёт, даже если что-то там у него с головой. — Крови я не боюсь. Меня зовут Майя. Встать можешь сам или нужна помощь?

Уголок его рта дёрнулся вверх — ухмылка растянулась шире, несмотря на то что он явно терял кровь и вот-вот мог потерять сознание. Пальцы скользнули по мокрому асфальту, оставив алый след, когда он попытался опереться.

— Брежу? Возможно, — усмехнулся он, тихо кашлянул. — Встать — сам. Но подсади, не хочу корячиться, как червь. Рана — царапина от клинка, кровь просто упрямая сволочь. — Он протянул руку, не отрывая от меня взгляда.

Я подошла вплотную, взяла его за пояс и потянула на себя, принимая вес на плечи. Тяжёлый — неприлично тяжёлый для человека такой комплекции. Я закинула его руку себе на шею, перехватила за бок и потащила к концу переулка.

Свет фонаря упал на него — и я остановилась.

Его кожа отливала серебром. Не метафорически — буквально, как металл в темноте. Уши — я уставилась на уши —

были высокими, с вытянутыми кончиками. Высокие скулы, пухлые губы, прямой нос, почти два метра роста. Не человек.

— Кто ты? — Я смотрела в его фиолетовые глаза своими серыми. В голове крутилось одно: так не бывает. Я живу на Земле, в Москве, в панельной многоэтажке. Такое бывает только в книгах.

— Талис, — повторил он с лукавой усмешкой. Его дыхание было горячим у моего уха. — Дроу из другого мира, выкинутый в вашу серую помойку с подарком от братиков. — Пауза. — Я настоящий, милая Майя. Реальность умеет кусаться. Твой дом близко? Не дай мне умереть, я отблагодарю.

— Дроу. Надо же. — Я крепче перехватила его за пояс. — Если перестанешь дышать мне в ухо, дойдём быстрее.

Мой подъезд был в трёх метрах. Я дотащила эту тушу до двери, прижала его к стене, достала ключ из кармана, приложила таблетку к домофону. Пискнуло. Я поймала дверь плечом, удержала и втащила его внутрь.

Он уставился на дверь с видом человека, увидевшего что-то невообразимое.

— Только не говори, что не знаешь, что такое лифт, —

сказала я. — Нам на нём подниматься. По его взгляду на металлические двери лифта я поняла всё. Его не знакомы ни домофоны, ни лифты. При этом оглядывал грязный подъезд с таким выражением, будто его приволокли в сточную канаву, а не в жилой дом.

— Лифт? — усмехнулся он с деланой небрежностью. — Знаю. Врал. Очевидно врал. — Твоя нора в небе? — продолжил он, с опасением косясь на раздвигающиеся двери. — Втаскивай, принцесса помойки. Только не дыши мне в ухо в ответ — мысли и так пляшут.

— Блять, — сказала я с чувством. — Ты серьёзно сейчас флиртуешь, пока истекаешь кровью? Ты блаженный или просто дебил?

Я затолкала его в кабину, прислонила к стене, нажала девятнадцатый этаж. Двери закрылись с писксом. Фиолетовые глаза искрились насмешкой. Рука на моём плече сжалась игриво.

— Флирт? — Он наклонился чуть ближе. — Это благодарность, Майя. Блаженный дроу с клинком в кишках всяко интереснее скучного дебила. А ты ругаешься, как дроу-разбойник. Высоко живёшь.

— Предпочитаю благодарность деньгами, — отрезала я.
— И клинка в кишках у тебя нет — только рана. Крови много, но органы, судя по всему, целы, иначе ты бы уже не разговаривал. И хватит вести себя как капризный принц.

По его взгляду я поняла, что снова попала в точку. Этот высокомерный тип и вправду был принцем.

Я вытащила его из лифта, дотащила до своей двери, открыла замок.

Обычная однушка. Небольшая кухня в светлых тонах, маленький квадратный стол, шкафчики, холодильник, сенсорная плита. Комната — аскетично: обои с птичками, светлый ламинат, белый потолок. Большая чёрная кровать с мягким матрасом, тумбочки, комод, шкаф, рабочий стол с ноутбуком, телевизор на стене напротив кровати.

Он оглядел всё это с растерянностью человека, которого обещали привести в приличное место, а привели непонятно куда.

— Деньгами? — усмехнулся хрипло, ковыляя к кровати.
— Принц? Близко к истине, но сейчас, к сожалению, без короны. — Он тяжело опустился на край постели, поморщился, но взгляд остался игривым. — Кровать? лягу, если не

против. Или свяжешь, чтоб не сбежал?

Я скинула с кровати одеяло, подтянула его к середине, уложила головой на подушку и осмотрела рану. Расстегнула ремень, стянула штаны — в одном нижнем белье, и хвала всему на свете, что не в чём-то средневековом, — приспустила боксёры ровно настолько, чтобы видеть рану нормально.

Зашивать.

Я метнулась к ящику и достала то, что хранила там с институтских времён — хирургическую нить, набор игл, шприц, ампулу лидокаина. Тогда мне говорили, что из меня выйдет хороший хирург. Сейчас это наконец пригодилось. С кухни принесла две бутылки водки из холодильника.

— Кажется, я попал не к принцессе, а к хирургу, — заметил он, разглядывая мои манипуляции. — Это алкоголь? Дашь выпить?

— Не для приёма внутрь. Стисни зубы малыш. — Я скинула рубашку — топ и так, спортивный, движений не стесняет, а возиться с рукавами не хотелось. Затянула косы в хвост на затылке и вылила водку прямо на рану.

Его спина выгнулась дугой. Мышцы окаменели, пальцы вцепились в простынь, сквозь стиснутые зубы вырвалось что-то похожее на сдавленное шипение — но губы тут же скривились в дерзкую ухмылку.

— Малыш? — выдохнул он хрипло, фиолетовые глаза сверлили меня с насмешкой. — Ты обнажилась для шоу? Дыши, говоришь Ха. Дроу терпел и хуже. Зашивай, воительница.

— Шоу устраиваешь ты, флиртуя в полу-трупном состоянии. Я в спортивном топе, а не голой грудью трясу. — Я обколола края раны лидокаином, выждала, пока подействует, и взяла иглу.

Его кожа оказалась плотнее человеческой — нить шла с усилием, но именно это, вероятно, и спасло его: клинок не ушёл глубоко. Я работала быстро и точно, как учили. Он не дёргался — только сжимал простынь.

— Подожди, пока заживёт, и я с удовольствием посмотрю на тебя и без топа, — пошло дёрнул бровями.

Я стиснула зубы, сделала последний стежок, завязала нить. Приподняла его, наложила повязку, забинтовала. Толкнула обратно на подушки.

—Спасибо. Я уже увидела дреу без мозгов, с меня этого хватит. Спи, бедовый. Завтра разберёмся, что с тобой делать.

— Ты оскорбляешь принца. — Он оскалился — и я поймала себя на мысли, что хочу выбить ему пару зубов. — Мне и правда надо поспать.

— Ты такой же принц, как я балерина. — Я вышла на кухню.

Села на стул. Закурила.

Дым медленно поднимался к потолку, я смотрела на него и пыталась осмыслить прошедший час своей жизни. В моей кровати лежал дреу. Я зашила ему рану хирургической нитью, он флиртовал со мной, пока я это делала, и сейчас посапывал в комнате — живой и реальный, никуда не исчезающий.

Абсурд. Полный, законченный абсурд.

Но почему-то где-то внутри было спокойно. Я сделала правильно — я это знала. Неважно, человек он или нет. Оставить его в переулке истекать кровью я бы не смогла. Папа был бы доволен.

Часы на телефоне показывали десять вечера. Я сделала большой глоток водки прямо из горлышка, убрала бутылку, зашла в комнату, переделась в пижаму и распустила волосы. Он лежал тихо, дышал ровно. Длинные серебристые пряди разметались по подушке.

Надо будет завтра расчесать эти патлы, мельком подумала я, укладываясь на свою половину кровати. Красивый гад. Высокомерный, пошлый, невыносимый — и красивый.

Я смотрела на его спокойное лицо ещё несколько секунд — и уснула.

Глава 2. Гордость, неправильные слова и её работа.

Проснулась я рано, дроу всю ночь ворочался и рисковал повредить только что наложенные швы, так что мне пришлось подтащить его к центру кровати, привязать его руки к изголовью и самой лечь сбоку от него, чтобы хоть как-то поспать. Надо сказать, из его груди вышла неплохая подушка, он оказался слишком большим и занял почти всю кровать, вот уж точно бедовый, даже в отключке поспать нормально не дал. Надо его быстрее выпроводить обратно в его мир, а то я так не высплюсь нормально вообще. Может, попросить раскладушку у соседки? Ах да, забыла, он дроу и мне нельзя вообще палиться, что он здесь.

— Бедовый, ты портишь мне качество жизни, — я зло сказала это спящему мужчине и пошла на кухню.

Недовольно сопя, я выпила воды и, скурив привычную сигарету, стала готовить завтрак. Бульон из куриного филе с кусочками курицы и пресное картофельное пюре для большого (на всю голову) и нормальный завтрак для меня: белковый омлет с тунцом, овощной салат и гречка. Так выглядел мой и его завтрак. Мой выглядел явно более приятно, но у

него вариантов нет, моя квартира — мои правила. Пофиг, что он дроу, после операции нельзя тяжёлую пищу.

Сходив в душ и выйдя из него в чёрной футболке и шортах, я увидела, что мужчина уже проснулся и смотрел на меня как на психопатку, которая решила его пытаться.

— Ты хоть думаешь, что ты делаешь и с кем! Я не твой пленник, чтобы меня привязывать, я принц! — Какой он крикливый, прибью, честное слово, либо я отрежу ему язык, либо прибью его. Кажется, близость смерти отпустила, и он решил качать свои права. Вот же проблемный шкет.

— Рот закрыл и молчи в тряпочку. В гробу я таких принцев видала. Привязан ты потому, что ворочался и мог повредить свежие швы, мне, знаешь, не в кайф было тебя держать всю ночь, поэтому и привязала. Ты, кстати, практически всю кровать занял. — Я развязала узлы и сняла с его запястий верёвку, села на кровать и начала разминать его затёкшие руки, он странно на меня посмотрел.

— Ты вообще не понимаешь, кто я? И что я могу с тобой сделать? — Он смотрит мне в глаза так, словно я его своими словами макнула головой в унитаз, если не хуже.

— Нет, это ты не понимаешь, что ты здесь гость и созда-

ёшь мне проблемы. Я работать не могу даже, и это из-за тебя.

— Ты раб? Зачем человеческой женщине работать? Или муж скончался? — Как мило, он что, о Земле думает, или у них, друу, принято, что женщина не работает и муж обеспечивает? Средневековье какое-то.

— У нас нет рабства, и большинство женщин работает. Мужа нет, не стремлюсь обзаводиться, предпочитаю флирт и отношения без обязательств.

— Странный у вас мир, — он внимательно на меня смотрит и добавляет: — Я думал, человеческие женщины хранят себя для одного-единственного. — На меня смотрят как на кусок мяса, явно оценивая мой «пробег».

— Как мило, мне о морали говорит тот, у кого, скорее всего, есть гарем из кучи женщин разной породы? — Я усмехаюсь и встаю с кровати, окончательно размяв его затёкшие запястья.

— Я мужчина и принц, мне положено иметь либо гарем, либо любовниц, — он пошло усмехается, в его голове точно пошлые мыслишки. — Предположим, ты бы в гарем вписалась, как диковинка, правда, гарем общий и у меня четыре брата, так что не уверен, кто бы до тебя первым добрался. —

Его гадкий смешок выводит меня из себя, и я выплёскиваю ему в лицо стакан воды.

— Рот я тоже могу зашить, для симметрии, только уже без обезбола, или язык отрежу скальпелем. Ты не в том положении, чтобы качать свои права и говорить гадости. Если бы не я, твой холодный труп уже бы ели крысы как деликатес. Либо ты думаешь, что говоришь, либо я выставлю тебя из своей квартиры, и будешь сам доказывать в дурдоме, что ты принц, а не душевнобольной, и хорошо если в дурдоме, а не в лаборатории, где на тебе будут ставить опыты.

Он молча смотрит на меня и недовольно отвечает, словно начинает понимать, что вести себя так, как он привык, он не может, ведь он ничего не знает о том, что его ждёт за дверью моей квартиры.

— Успокойся, воительница, погорячился. Вспылил. Не привык к тому, что меня привязывают к кровати и отвечают так бойко. Да и ты мило злишься. И в топе ты выглядела лучше, чем в этом куске чёрной ткани.

— А ты казался более адекватным, будучи при смерти. — Он пытается встать с кровати, но я его останавливаю, приподнимаю сама. — Куда собрался?

— По нужде, или предлагаешь это сделать прямо на твою кровать? — Он усмехается, а я помогаю ему встать, держу за пояс, чтоб он не упал, и завожу в туалет; это помещение вызвало у него странную реакцию.

— У нас, конечно, не средневековье, но такое я вижу в первый раз. Как это работает?

— Открываешь крышку, делаешь свои дела, закрываешь крышку, нажимаешь на кнопку, что находится на стене. — Я указываю рукой на кнопку смыва в стене выше туалетного бачка.

— Тебя держать надо или справишься сам? Не горю желанием смотреть на подобное. — Он приподнимает брови и говорит:

— Справлюсь. — Он молчит минуту и поворачивает лицо ко мне. — И прости за слова о гареме, погорячился, ты и правда помогаешь мне. — Он быстро отворачивается, и я шокировано закрываю дверь туалета. Принц, этот принц серьёзно извинился передо мной. Где-то точно кто-то сдох, если человек, что даже при смерти отвешивал пошлые шуточки, решил извиниться.

Я привалилась к стене и стала ждать, смотря на дверь. Че-

рез минуту он открыл дверь, я помогла ему добраться до кровати и, подложив под спину несколько подушек, принесла завтрак. Он странно посмотрел на бульон с курицей, потом на пюре и спросил:

— Ты решила на мне сэкономить или у вас так принято — больных кормить отходами? — Я начинаю смеяться, боже, он серьёзно подумал, что я предложила ему отходы.

— Успокойся, капризная принцесса, ты после ножевого ранения. Я даю тебе ту еду, которая не травмирует организм. И это не отходы. — Я показательно встала со стула и принесла в комнату свой завтрак. — Как видишь, у меня что-то повкуснее, но это тебе пока нельзя. На ближайшие две недели ты на диете.

— То есть так у вас кормят больных, чтобы они быстрее вылечились? — Он с интересом смотрит на мою еду, явно чувствуя, что у меня что-то повкуснее. — А кто это готовил? У тебя вроде слуг нет. — Он непонимающе смотрит на мою еду.

— Я сама готовлю. Привыкай, это мир, где люди в большинстве случаев сами готовят, либо, если позволяют финансы, заказывают доставку или ходят в ресторан. Не бойся, не отравлено.

Он вздыхает, не отвечая, и пробует бульон. Пока я завтракаю и в телефоне отписываюсь клиентам, что не работаю в ближайшие две недели, он сам ест и странно на меня смотрит.

— Ты работаешь, готовишь и при этом имеешь тело воина. Странное сочетание. Что это у тебя в руках? — Он указывает подбородком в сторону телефона у меня в руках.

— Телефон, технологии моего мира. Если интересно, я отменила клиентов на ближайшие две недели из-за тебя. И это, знаешь ли, радости не добавляет, бьёт по карману.

— Клиентов? Звучит не совсем прилично. — Я буравлю его взглядом и понимаю, к чему он клонит: так меня ещё никто не называл, и главное — смотрит так, словно уже повесил на меня табличку с ценником.

— Бедовый, я тебе что, жрица любви на ночь?! — Я недовольно встаю, выдвигаю ящики стола, достаю оттуда набор игл и коробку со множеством серёжек. — Смотри, это иглы, это серёжки для пирсинга. — Я достаю штангу для языка. — И эта милая штанга окажется в твоём языке, если я услышу ещё что-нибудь подобное, тебе будет обеспечена боль, а мне — несколько дней тишины из-за того, что на твоём языке

будет отёк.

Он странно смотрит на это всё и хватается моё запястье, складывает себе на грудь, словно хочет, чтобы я услышала его сердцебиение.

— Не хотел обидеть, просто там, где живу я, такого нет. Люди серьёзно занимаются таким? Кто-то платит за то, чтобы сделали больно? — Я пытаюсь отдёргнуть руку, но он лишь крепче прижимает, отставляя пустые тарелки на тумбочку. — Не пытайся, я хочу, чтобы ты поняла, что я живой и умею быть нормальным. Просто не привык к тому, что кто-то может меня оскорблять и огрызаться, ты словно глоток воздуха там, где мне никто не способен и слова поперёк вставить.

— Если тебе интересно, я могу показать свои работы. — Он отпускает мою руку.

— Показать? Это как?

Я достаю из шкафа толстый альбом с фотографиями моих работ, моя личная коллекция того, что я делала. Почему-то мне нравилось каждую новую работу фотографировать и распечатывать. Было в этом что-то особенное. Протянув альбом мужчине, я сажусь доедать свой завтрак.

Он долго листает страницы, смотрит, и постепенно его лицо становится всё более шокированным. Когда он долистывает до последней страницы, он складывает альбом рядом с собой и спрашивает:

— Это... странно, это всё делала ты на других людях? Это... красиво.

— Ну да, это моя работа, и я получаю от этого удовольствие. И да, у меня тоже есть пирсинг. Только его не слишком много. Как видишь, по два прокола на мочках, и есть то, что сразу не увидишь.

— А что ещё? — в его глазах какой-то маниакальный блеск, словно его завораживает сама мысль, что я добровольно готова причинять себе боль и оставлять напоминание о ней.

Я показываю ему свой язык со штангой — хорошая добротная титановая штанга. Прихоть, когда мне было 19 лет. Жалею ли я о том, что сделала? Нет, мне нравится подобное. Да и, честно сказать, ещё два прокола я не собиралась показывать мужчине просто потому, что такое не показывают сомнительным дроу.

— Язык? Серьёзно? — Он смотрит внимательно, и, ко-

гда я закрываю рот, он смотрит как-то разочарованно, словно хотел смотреть на это долго. — Не думал, что это может выглядеть так... — он не договаривает, но его рука сминает простынь, и я понимаю, что в его голову залезли очередные пошлые мысли.

— Ладно, давай лучше вернёмся к твоему вынужденному нахождению здесь. Ты сможешь вернуться в свой мир?

Он вмиг становится серьёзным и перестаёт выглядеть как тот, кто секунду назад представлял пошлые картинки в своей голове. Теперь я вижу перед собой статного серьёзного мужчину и, возможно, даже принца, а не бедового дреу.

— Конструктивный диалог, уважаю. Смогу, но мне нужно набраться сил, чтобы перенестись. Кольцо у меня есть, но для активации нужны силы. В этом мире мало магии, очень мало. Мой резерв есть, но пока тело не восстановится, я не смогу ничего сделать.

— Хорошо. Что делаем с деньгами? Ты не маленький, тебя кормить надо и ухаживать за тобой. Давай, вспоминай, есть украшения ненужные, которые можно продать? — Он задумывается и спрашивает.

— А мои штаны где? Там должны быть золотые монеты,

их должно хватить. — Я снимаю с вешалки его штаны и протягиваю ему. Он копается в карманах и вытаскивает мне десять золотых. — Этого должно хватить на покупку продуктов и оплату твоей помощи, золото в любом мире — ходовой вариант.

Я кривлю губы. Как бы ему сказать, что, да, продать золото можно, но для моего мира деньги выглядят совсем по-другому. Он ловит мой озадаченный взгляд, и его довольное выражение лица тускнеет — кажется, он начал понимать, что золото здесь не та валюта.

— Прости, у нас в ходу вот такие деньги. — Я вытаскиваю из стола купюру номиналом в пятьсот рублей. — Как видишь, это не золото. Продать монеты можно, но могут быть проблемы. Попробую реализовать через пару знакомых, но не факт, что получится.

— Глупый мир, золото всегда было универсальной валютой. И что? Выгонишь? — Он смотрит хмуро, я тяжело вздыхаю. По-хорошему надо бы выгнать, но рука не поднимается. Реально же его на опыты заберут. Тяжёлый случай, причём я добровольно на это всё подписалась, совсем не думая о последствиях. Решила поиграть в спасителя, а в итоге буду две недели пожинать плоды своих ошибок.

— Не выгоню, сама тебя сюда притащила, значит, не выставлю на улицу. Сколько тебе надо дней на восстановление и чтобы ты смог перенестись в свой мир? — Он расслабленно выдыхает, а я понимаю, что он расслабился и перестал смотреть с опасением в сторону двери.

— Дней десять, может, двенадцать. Наверное, я первый раз попал в ситуацию, когда мне даже нечем заплатить. Жалкий я принц, претендую на корону, а не могу даже рассчитаться с человеком за спасение.

Я молча встаю и уношу грязную посуду на кухню, давая мужчине осмыслить, в какой ситуации он оказался. Я выхожу на балкон и смотрю на детскую площадку. Дети весело смеются и играют — детство, самое счастливое время, но этого никто не ценит. Все так хотят повзрослеть, вот и я вроде взрослая, а поступаю так глупо, притаскивая странного мифического типа к себе домой. И он глупый, раз реально поверил, что я могу его выставить за дверь. Я никогда не перестану коллекционировать чужие проблемы и никогда не перестану желать помочь всем обиженным. Я дура, даже в большей степени, чем этот высокородный дроу: он просто самодур, а я... я просто хотела помочь, всегда хочу помочь...

Глава 3. Коротко о другом мире.

Тихие шаги раздались на кухне — осторожные, чуть неровные, с паузой после каждого, — и я обернулась от балконной двери. Бедовый встал.

Он добрался до стула и сел так, словно это было его личной победой над всеми обстоятельствами: прямо, с остатками гордости, хотя по тому, как он держал бок и как чуть морщился при каждом вдохе, было очевидно — болело. Больно было двигаться, больно было сидеть, но он добрёл до кухни и теперь смотрел на меня сквозь стеклянную балконную дверь — внимательно, без насмешки, без той привычной дерзости, которую он вчера использовал как щит.

Я зашла с балкона, поставила телефон на стол и просто посмотрела на него.

Сказать, что он красив — значит не сказать ничего. Серебристая кожа в утреннем свете отливала тише, чем ночью, длинные волосы всё ещё были спутаны, на скуле — тень от усталости. Красивый, высокомерный, непонятный — и почему-то сейчас смотрящий на меня так, словно я была чем-то, что он не умел классифицировать.

— Почему ты такая? — спросил он. Голос был тише обычного — без насмешки, без игривости, просто вопрос. — Любой бы выкинул меня обратно на улицу. Ты оставляешь, хотя понимаешь, что от меня одни проблемы.

Я вытащила сигарету, щёлкнула зажигалкой и выпустила дым к потолку.

— Считай это добротой. Хотя не уверена, что ты понимаешь, что это такое.

Он не ответил сразу. Посмотрел на мою руку, лежащую на столе — и осторожно коснулся кончиками пальцев моего запястья. Лёгкое прикосновение, почти вопросительное. За всё время — первый раз без издёвки. Первый раз так, словно он просто хотел убедиться, что я настоящая.

— Ты права. Я не верю в доброту. — Он смотрел на свои пальцы рядом с моим запястьем. — Но если это она — то ты первый человек, который докажет мне, что такие ещё бывают. Те, кто помогает просто так. Не требуя ничего взамен.

Я не отдернула руку.

Смотрела на его пальцы и понимала, что это такое. Не флирт. Не игра. Капитуляция — тихая, почти незаметная. Он опустил щит, просто чтобы посмотреть, что будет. И

ждал.

— Тебе бы лежать, — сказала я. — Болит же.

— Болит, — согласился он без привычного «но дроу терпели хуже».

Он сжал мою руку чуть сильнее — не игриво, не намеренно, просто сжал. Словно боялся, что сейчас всё растворится и он проснётся в том переулке, где не было ни фонаря, ни розовоголовой девушки с хирургической нитью и бутылкой водки.

Я смотрела на него и думала о том, что он похож на ребёнка. На ребёнка, которому слишком рано надели корону, показали взрослую жизнь — и не потрудились объяснить, как в ней жить. Он научился защищаться словами и высокомерием, потому что, видимо, больше нечем было.

Я затушила сигарету в пепельнице, отодвинула её в сторону и взяла его ладонь в обе свои руки.

Он замер.

По-настоящему замер — замолчал, перестал двигаться, кажется, даже дышать забыл. Словно этот простой жест —

ладонь в ладонях — оказался для него чем-то совершенно непривычным. Чем-то большим, чем он умел принимать.

На дне его фиолетовых глаз жила надежда. Не та хищная, расчётливая — другая. Тихая. Осторожная. Надежда человека, который не привык, что кто-то просто берёт его за руку без причины.

Я не могла ничего обещать. Я сама себя взрослой не назвала бы — скорее мы оба были из тех, кого жизнь слегка обсчитала на уроках. Меня не научили не жалеть всех подряд. Его, судя по всему, не научили вообще принимать чужую доброту. Вот и сидели на кухне два сломанных человека — ну, один человек и один дреу — которые не знали, что делать дальше, но почему-то не уходили.

— Нам с тобой сидеть здесь почти две недели, — сказала я. — Расскажи мне о своём мире. Где ты жил, как там устроено всё. Хочу понимать хотя бы это.

Он удивился — по-настоящему, не наигранно.

— Ты хочешь знать о моём мире? — Он посмотрел на нашу руки, потом на меня. — Думал, ты хочешь свести всё к молчаливому завтраку-обеду-ужину. Я тебе и так уже лишнего наговорил.

— Хочу. И за то лишнее ты ещё извинишься — когда ра-
на заживёт. Как именно — я придумаю. — Я улыбнулась и
отпустила его ладонь.

— Странная ты. — Он качнул головой. — Ещё меня бла-
женным называла.

Он усмехнулся — тихо, без яда — и начал рассказывать.

Его мир назывался Эстэр. Мозаика из территорий —
больше десяти рас, и последние пять столетий без войн и без
дележа земли. Все живут в мире, сказал он, хотя по тону бы-
ло слышно, что мир этот — хрупкий, держится на догово-
рах и усталости от крови, а не на настоящем согласии. Его
отец — нынешний король, имя Грид. Четыре брата и млад-
шая сестра, которой сейчас пятнадцать лет — по их меркам
ещё младенец. Он третий из братьев. Один из наиболее до-
стойных короны, но отец ещё не решил.

— Как ты оказался здесь умирающим? — спросила я.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошие отношения у меня только с сестрой и со вто-
рым братом. Первый и четвёртый решили устроить испы-

тание на прочность. Покалечили и отправили на Истинную Землю. Они тоже получили раны, но не смертельные — и в нашем мире регенерация работает почти мгновенно. — Он поднял руку, показывая серебряное кольцо с голубым камнем. — Хорошо хоть принцам положено универсальное кольцо-переводчик. Иначе мы бы сейчас не разговаривали.

— Истинная Земля, — повторила я. — Звучит так, словно есть какая-то другая.

— Есть. В нашем мире — «Новая земля». Там живут люди, но чистокровных почти не осталось: территория граничит с эльфами, их магия за века влияет на людей, рождаются с заострёнными ушами, с небольшим магическим запасом. А ваша Земля — не запретная, но обычно сюда не спускаются. Демоны — да, титаны иногда развлекаются. Скорее — место из разряда диковинного. Без магии, зато с интересными людьми. Я вообще не думал, что окажусь здесь когда-либо. — Он помолчал. — Ваш мир меня уже поразил и напугал. Непонятные технологии. Нет рабства. Женщины работают. Высокие бетонные коробки, в которых вы живёте. Пугает — но интересно. Следовало приехать сюда при других обстоятельствах.

— Каких ещё народов у вас много? — Я подалась вперёд, подперев щёку кулаком. Информацию я впитывала с тем са-

мым блеском в глазах, который появляется только тогда, когда что-то по-настоящему захватывает.

Он рассказывал.

Титаны. Демоны. Владыки воды, ветра, огня, земли — безумно сильные маги, часть стихии, а не просто те, кто ею управляет. Был когда-то владыка грома, но потомков не осталось, территория пустует, и грызться за неё все устали. Драконы — сильные, неконфликтные, редко рожают потомство, держатся от войн подальше. Ведьмы — почти всегда женщины, кочуют между территориями.оборотни. Орки — вымерли, перестали давать потомство. Вампиры — их убили веков пять назад, тяжёлое было время.

— Сейчас мир, — сказал он. — Но скоро смена власти. Раз в тысячелетие король выбирает преемника и передаёт престол — почти на всех территориях одновременно. Новая власть, новые правители. — Усмехнулся. — Демонов это не касается. У них свой ад и свои правила: раз в несколько тысячелетий выбираются два-три демона и правят сообща. Сейчас в аду, как ни странно, самая тихая атмосфера. И владыку Огня это не касается — там непонятно что с тронем, король есть, но не кровный. Демоны над нами потешаются: у них просто — родился с нужной меткой, значит правишь. А мы грызёмся за власть раз в тысячелетие, как по расписанию.

— Я бы хотела посмотреть на твой мир, — сказала я.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением — словно не ожидал этого — и медленно улыбнулся.

— Когда займу престол — покажу. Тебе понравится, раз ты меня не испугалась. — Он поднял руку и положил ладонь мне на голову — осторожно, как будто проверял, позволю ли я. Я позволила. Его пальцы лёгко прошли по ещё влажным распушенным волосам. — Ты сильно отличаешься от людей на Новой земле. Я бы и сам не прочь посмотреть на ваш мир — не вот так. Нормально. Ты не будешь против, если я буду иногда приходить сюда? Когда уйду отсюда. Хочу увидеть то, о чём даже не думал раньше.

Он убрал руку с моих волос.

— погоди, — сказала я. — Ты дроу. Как ты собрался ходить по Москве?

— С этим проблем нет. Куплю у магов кольцо иллюзий — буду выглядеть как обычный смертный. Такое практикуется, особенно для гонцов, чтобы не отсвечивали на чужих территориях.

— Удобненько. Значит, тебя заинтересовала Земля?

— Земля, технологии. — Он посмотрел мне в глаза. — И в первую очередь — ты. С твоими странными принципами и твоим непонятным благородством. — Он смотрел так, словно я была диковинным существом из его зоологического атласа — чем-то редким, что он не умел классифицировать и потому рассматривал с особым вниманием.

— Пошли, дикий дрозд. — Я встала и помогла ему подняться. — Буду показывать тебе, что такое телевизор. Тебе лежать надо.

Довела до кровати, взяла пульт, включила. Он уставился на экран с таким выражением, словно перед ним совершили маленькое чудо.

— Вот пульт. Этими кнопками переключаются каналы. Осваивайся. Я пойду собираться в зал.

Пока он переключал каналы с детским, почти беззащитным интересом, я собрала сумку, размешала в шейкере протеин и ВСАА, переоделась — легинсы, спортивный топ, чёрная майка. Потянулась за майкой, и его взгляд пробил мне спину раньше, чем я успела её надеть.

— Что это за язык? — Голос стал другим — тихим, по-

настоящему заинтересованным. — Таких букв я не видел.

— Латынь. Мёртвый язык, медики используют. — Я натянула майку.

— Что означает?

— «Светя другим — стораю сам». Набивала, когда училась на медика. — Я закинула ляжку сумки на плечо. — Слушай: к холодильнику и плите без меня не лезь. Вернись через два-три часа, приготовлю поесть. Смотри телевизор, отдыхай, можешь поспать.

Я уже выходила из комнаты, когда он сказал:

— Будь аккуратна.

Просто так. Тихо. Без насмешки.

Я закрыла за собой входную дверь и прислонилась лбом к холодному металлу.

Постояла так несколько секунд.

Этот мужчина — или кто он там по биологии — меня пугал. Очаровывал. Притягивал так, что хотелось выругаться

вслух от собственной предсказуемости. Когда он вёл себя как невыносимый пошлый принц — было проще. Проще держать дистанцию, проще не замечать фиолетовые глаза и то, как он смотрит, когда думает, что я не вижу.

А теперь он брал меня за запястье и говорил «будь аккуратна».

Я оттолкнулась от двери и пошла к лифту.

Просто давно не было нормального мужчины рядом. Вот и всё. Просто эффект контраста, просто гормоны, просто стечение обстоятельств. Он дроу, я человек. Он принц без короны из другого мира, я — девушка в однушке на девятнадцатом этаже, не знающая этикета и умеющая только зашивать раны и поднимать штангу.

Две недели. Надо продержаться две недели и отпустить его.

Не влюбляться. Ни в коем случае не влюбляться.

Лифт приехал, я зашла внутрь. Двери закрылись.

Главное — не влюбиться.

Я посмотрела в тусклое зеркало кабины на своё отражение и поняла, что уже говорю это себе как заклинание. А заклинания обычно произносят тогда, когда поздно.

Глава 4. Имя и его горячие руки на её теле.

Пока я была в зале, его имя не шло у меня из головы — а точнее, не шло потому, что я его не помнила. Он что-то говорил, когда лежал на асфальте с рукой, прижатой к ране, что-то говорил в лифте, в комнате, — но имя осело где-то по дороге и пропало. Стыдно было люто. Оскорбления я запомнила, а имя — нет.

На обратном пути я зашла в магазин и аптеку, набрала пакеты и уже в подъезде почти придумала, как спросить так, чтобы не выглядеть совсем душой. Не придумала.

Вернувшись, я застала его сидящим на кровати с моим фотоальбомом в руках. Телевизор что-то бормотал с экрана, а он рассматривал фотографию, не слыша, как я вошла. Я отнесла пакеты на кухню, вернулась и цокнула языком.

— Чем тебя так заинтересовали фотографии?

Он перевёл взгляд с альбома на меня — спокойно, без насмешки.

— У вас в мире можно менять цвет волос по желанию?

На снимке мне было шестнадцать. Русые волосы до плеч, робкая улыбка — совсем другой человек.

— Ну да, есть много вариантов. Правда, волосы это портит, особенно если красить дома. — Я машинально потянула

розовую прядь и принялась крутить её между пальцами. — Слушай, и прости ты не мог бы напомнить своё имя? У меня плоховато с памятью на имена.

Он медленно поднял на меня взгляд.

— Майя. Ты шутишь?

— Не шучу.

— Ты не запомнила моё имя. При этом называла меня бедовым и шкетом. — Он расплылся в похабной ухмылке, и я недовольно опустила на стул.

— Ну да, не запомнила. На оскорбления были причины. Если не напомнишь — так и останешься «бедовым».

Он засмеялся — добро, без яда — и отложил альбом.

— Скажи сначала, сколько тебе лет. Тогда напомню.

— Двадцать семь. И зачем тебе?

— Просто интересно. — Он чуть помолчал. — Странно. У нас на Новой Земле люди живут лет двести из-за близости с магией эльфов. А здесь?

— По-разному. Примерно от шестидесяти до восьмидесяти.

Что-то изменилось в его лице. Он смотрел на меня — внимательно, напряжённо, — и пальцы медленно сжали простынь.

— Ты хочешь сказать, что через двадцать лет ты постареешь. — Это не было вопросом. — Я думал, тебе лет триста, раз у тебя такое тело и такие знания в медицине. Как коротка жизнь на Истинной Земле.

В его голосе было что-то, чего я не ожидала. Не жалость — что-то тяжелее. Словно новость ударила его туда, куда он не ждал удара.

— Людям неполный век — это нормально, — сказала я. — Поэтому мы ловим каждое мгновение. Радует многому. — Я пожала плечом. — Так как тебя зовут?

— Талис. — Он посмотрел мне в глаза. — Надеюсь, теперь не забудешь.

— Постараюсь. А тебе сколько лет?

— Триста семьдесят.

Я присвистнула.

— Может, мне к тебе на «вы» перейти? С учётом почтенного возраста?

— Почтенный возраст у нас — за три тысячи лет. И нет. Мне нравится, что мы говорим вот так. — Его взгляд скользнул по мне, когда я потянулась к шкафу за голубой майкой и чёрными бриджами. — Ты одеваешься очень просто. У вас не принято следить за собой дома, или просто финансы не позволяют?

— Дома одеваются так, как удобно. Это место для отдыха, зачем неудобная одежда там, где расслабляешься? — Я взяла ноутбук и открыла картинки — офисная одежда, деловые костюмы, женские платья. Развернула экран к нему.

Он рассматривал долго. Потом сказал — осторожно, взвешивая слова:

— Странная одежда. Эти платья и юбки они не слишком откровенные? — Пауза. — Просто у нас в гареме девушки одеваются похожим образом. Ткань другая, оттенки не такие яркие, длина скромнее. Ты надеваешь подобное, когда куда-то идёшь?

Он смотрел на меня с тем взглядом, который я уже научилась читать — мысленно примерял платье, мысленно вписывал в свой гарем.

— Урезонь фантазии, — сказала я. — Я не часть твоего гарема. Да, у меня есть вечерние платья, и я крашусь в приличных местах. Ты голоден?

— Голоден. И я бы с удовольствием пригласил тебя в ресторан — хотя бы в качестве благодарности. Дай время: в следующий приезд на Землю у меня будет ваша валюта, и я тебя приятно удивлю.

— Оставь это для тех, кто у тебя в гареме. Они обрадуются больше.

Я ушла переодеваться.

Когда вернулась на кухню, быстро разогрела обед: ему — куриное филе, отварной кабачок, пюре. Себе — тушёную капусту. Он дошёл до кухни сам, держась за бок, но уже заметно легче, чем утром. Смотрел, как я раскладываю по тарелкам, — молча.

— Ты убежала от разговора, — сказал он, когда я поставила тарелку перед ним.

— Я закрыла разговор. — Я села напротив. — Мне не ну-

жен ужин в ресторане с тобой. У тебя есть любовницы — их приглашай, им наряды покупай. Я человек, мой век короткий. Хочешь секса — найдёшь нашу валюту, снимешь кого надо, если сумеешь накинуть на себя иллюзию.

Он долго молчал. Смотрел тяжело.

— Я разве тебе не нравлюсь? — спросил он наконец. Придвинул мою тарелку в сторону — не агрессивно, просто убирая лазерку для отступления. — Я вижу, как ты на меня смотришь.

— При чём здесь это. Я просто помогаю тебе. Между нами ничего нет.

— Почему я не могу пригласить тебя в ресторан, если у тебя нет кольца на пальце?

— Потому что я человек, Талис. А ты — дреу. Больших причин не надо. Ешь и иди в кровать.

Я вышла на балкон.

Закурила. Смотрела на вечернюю Москву — огни, гул трафика внизу, кто-то орал в соседнем дворе что-то весёлое. За спиной была тишина — он даже не притрагивался к еде, я слышала это по отсутствию звуков.

Дверь балкона открылась.

— Майя. — Его пальцы сомкнулись на моей руке. — Ты не можешь решать за двоих. Ты сказала «нет» — но это не значит, что я его принимаю.

Он отпустил руку. Зашёл обратно на кухню.

Я осталась стоять с тлеющей сигаретой и странным ощу-

щением в груди — словно мне только что сказали что-то важное на языке, который я понимаю, но делаю вид, что нет.

Через стеклянную дверь я видела, как он ел. И как — думая, что я не смотрю — аккуратно воровал с моей тарелки капусту.

Я затушила сигарету и зашла обратно. Села. Доела молча. Атмосфера висела тяжёлая, как перед грозой, — но не злая. Скорее — насыщенная. Слишком много невысказанного на квадратный метр кухни.

Поставила тарелку в мойку, ушла в комнату, открыла шкаф и покопалась в глубине — нашла, что искала. Старые спортивные штаны, явно не мой размер.

— Держи. Надень. Не ходи в одних боксёрах, напрягает.

Он взял, осмотрел.

— Мужская одежда в женском шкафу. Странно. Это явно не твой размер.

— Остатки от бывшего парня. Надевай и не выделяйся.

— Почему бывшего? Умер?

— Нет. Расстались. Изменил, я его послала.

Он надел штаны, помолчал.

— Таким девушкам разве изменяют? — Он потянул руку ко мне — и в последний момент отдернул, словно одёрнул сам себя.

— Изменяют любым. Это почти норма. Вопрос только в том, как. Он спалился конкретно — я сама закрыла отношения. — Я взяла бинт. — Давай поменяю повязку.

Он кивнул.

Я сняла бинт и осмотрела рану. Затягивалась быстро — намного быстрее, чем у человека. Дня через четыре-пять о ней можно будет забыть. Я методично меняла повязку — аккуратно, привычными движениями, — и почти не думала ни о чём, почти успела поверить, что всё спокойно.

Он поймал мою руку, когда я закончила. Поднёс к губам и поцеловал тыльную сторону запястья — медленно, без спешки.

— Ты заботишься обо мне так, как не делала ни одна женщина. — Голос у него был тихим. — Грубо, неудобно, с оскорблениями — но искренне. Не потому, что я принц. Не потому, что обязана. Просто потому что так чувствуешь. — Его пальцы не отпускали мою руку. — Не отталкивай меня. Я серьёзно хочу узнать тебя — твою жизнь, твою голову, твою душу. Ты красива. Умна. Волшебна. И единственная женщина, которая не боится говорить мне «нет» в лицо.

— Талис. — Я попыталась вытянуть руку. — Отстань. Тебя через двенадцать дней здесь не будет. Давай оставим всё как есть: я помогаю тебе, ты уходишь, мы расстаёмся.

— Ты не решаешь за меня, что я буду делать. — Он потянул меня на себя — резко, уверенно, — и я оказалась в его руках раньше, чем успела среагировать. Горячая кожа, твёрдые руки на талии, не дающие отодвинуться. — Если захочу — найду столько вашей валюты, что ты не будешь ни в чём нуждаться. Не пущу, пока не скажешь, что я тебе хотя бы

внешне нравлюсь.

— Ты спятил. — Я устала в его ключицу, потому что смотреть в глаза было хуже. — Пусти меня. Я не твоя собственность.

— Я с ума схожу рядом с тобой, — сказал он тихо. — Грубой, похожей на разбойника и безумно красивой. И сейчас ты не убежишь.

Я выдохнула.

— Хорошо. Да, ты красивый. Шикарное тело, длиннющие серебристые волосы, красивое лицо и странные фиолетовые глаза. Доволен?

Он издал что-то низкое, почти неслышимое, и уткнулся лбом мне в плечо.

— Ты это сказала, и этого пока достаточно. Позволь мне узнать тебя. Я сделаю для тебя больше, чем любой мужчина до меня. Мне хорошо рядом с тобой — так, как не было хорошо ни с одной женщиной за все эти годы.

Он отпустил меня.

Я вышла на балкон на автопилоте. Закурила. Руки не дрожали — это было хорошо. Зато горели уши, горели щёки, горела какая-то точка между рёбрами, где живёт то, что не стоит трогать.

Москва гудела внизу. Равнодушная, как всегда.

Я смотрела на огни и пыталась думать трезво. Он уйдёт. Это первое и главное — он уйдёт через двенадцать дней, и никакие красивые слова этого не изменят. Я для него ди-

ковинка. Истинная Земля, женщина, которая его не боится, — занятный экспонат в коллекцию впечатлений. Он привык, что женщины хотят его, привык брать что хочет и уходить. Мне надо просто не дать ему лишнего и продержаться.

Просто не влюбиться.

Я затаилась, выдохнула дым в московский вечер и поняла, что повторяю это себе уже второй раз за сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.